

ность, интертекстуальность, креолизованность, целостность, связность, информативность, коммуникативно-прагматическая направленность и медийность.

А. В. Корячкина в своем исследовании под «кинодискурсом» понимает единство процесса развертывания обращенного кинозрителем (множественному удаленному реципиенту) сообщения, подготовленного коллективным распределенным автором, и его результата, т. е. кинофильма — аудиовизуального произведения, представляющего собой полисемантический конструкт, составной частью которого является диалогический кинодискурс [4]. Из данного определения следует, что кинодискурс — более обширное понятие, которое включает в себя кинотекст и кинодиалог.

Заключение. Мы видим, что авторы по-разному подходят к предмету исследования кинофильма с лингвистической точки зрения. Проведенный нами краткий обзор литературы показывает, что понятие «кинодискурс» — более широкое понятие, чем кинотекст и кинодиалог. Кинодискурс формирует обширное поле междисциплинарных исследований, таких как литература, искусство, семиотика, лингвистика, теория перевода и др. Соответственно, мы можем утверждать, что для современных исследований в области лингвистики наиболее продуктивным представляется изучение кинодискурса как многостороннего явления, поскольку кинотекст, являясь фрагментом кинодискурса, включает лингвистическую и нелингвистическую системы, а кинодиалог выполняет роль вербального компонента кинодискурса.

Список цитируемых источников

1. Зарецкая, А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе : монография / А. Н. Зарецкая. — Челябинск : Абрис, 2012. — 192 с.
2. Иванова, Е. Б. Интертекстуальные связи в художественных фильмах : автореф. дис. ... канд. фил. наук : 10.02.19 / Е. Б. Иванова ; Волгогр. гос. пед. ун-т. — Волгоград, 2001. — 16 с.
3. Колодина, Е. А. Статус кинодиалога в ряду соположенных понятий: кинодиалог, кинотекст, кинодискурс [Электронный ресурс] / Е. А. Колодина. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/status-kinodialoga-v-ryadu-sopolozhennyh-ponyatiy-kinodialog-kinotekst-kinodiskurs>. — Дата доступа: 08.05.2020.
4. Корячкина, А. В. Художественный (постановочный) кинофильм как дискурс / А. В. Корячкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2015. — № 3. — Ч. 3. — С. 91—97.
5. Лавриненко, И. Н. Критерии классификации кинодискурса [Электронный ресурс] / И. Н. Лавриненко. — Режим доступа: <https://docplayer.net/48799752-Visnik-harkivskogo-nacionalnogo-universitetu-imeni-v-n-karazina.html>. — Дата доступа: 03.05.2020.
6. Лотман, Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. М. Лотман. — Таллин : Александра, 1973. — 63 с.
7. Назмутдинова, С. С. Гармония как переводческая категория: на материале русского, английского, французского кинодискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / С. С. Назмутдинова ; Тюм. гос. ун-т. — Тюмень, 2008. — 18 с.
8. Слышкин, Г. Г. Кинотекст: опыт лингвокультурологического анализа / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. — М. : Водолей Publishers, 2004. — 153 с.
9. Цивьян, Ю. Г. К метасемиотическому описанию повествования в кинематографе: труды по знаковым системам / Ю. Г. Цивьян ; отв. ред. Ю. Лотман. — Тарту : Тартус. ун-т, 1984. — Вып. 17 : Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. — С. 109—121.

УДК 82.09

Н. А. Муратова, О. А. Хрущева

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет», Оренбург, Российская Федерация

БУЛЛИНГ НА СТРАНИЦАХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Введение. Буллинг — это разновидность насилия, распространенный социальный феномен. На протяжении многих лет художественная литература служит способом изображения тех или иных проблем, в частности социальных. Тема буллинга в литературе новая и малоизученная, однако это не значит, что она отсутствовала вовсе. Напротив, данное явление можно проследить не только в современных произведениях, но и в тех, что были написаны задолго до того, как проблема получила массовый характер.

В настоящее время тема агрессии особенно актуальна. На этой почве появляется все больше произведений, посвященных ее разнообразным проявлениям. Писатели часто ставят данную проблему в центр произведения, делают ее основной или же апеллируют к буллингу непосредственно в своей работе, чтобы сфокусировать внимание на авторской интенции.

Основная часть. Буллинг — это мировая проблема, поэтому можно найти тысячи произведений на разных языках, в которых присутствует тема насилия. Среди современных книг, где особенно ярко выражена проблема буллинга, можно назвать следующие: «Прежде чем я упаду» Лорен Оливер (2010), «Взгляд кролика» Кэндзио Хайтани (2010), «Мыши» Гордона Риса (2011), «Самая прекрасная земля на свете» Грейса Мак-

Клима (2012), «Вселенная против Алекса Вудса» Гевина Экстенса (2014), «Синдром Алисы» Эли Фрей (2018) и др. Целевая аудитория данных произведений — это дети и подростки, и на это есть своя причина. Известно, что травле подвергаются чаще всего именно дети и подростки в школе и на улице. В широком ряду российских изданий мы можем также обнаружить подобные произведения: «Чучело» Владимира Железникова (1975), «Верочка» Андрея Богословского (1990), «Где папа?» Юлии Кузнецовой (2012) и т. д.

Стоит сказать, что проблема буллинга в литературе имеет прочную основу и богатую историю. В современных произведениях эта тема получила иную трактовку, чем раньше, особенно в своих проявлениях. Если сегодня травля распространена среди детей и проявляется в виде насмешек, обидных прозвищ за какое-либо отличие от других, то раньше, например в период рабства, страдали от насилия не только дети, но и взрослые. В ряд таких произведений можно отнести: «12 лет рабства» Соломона Нортапа (1853), «Спартак» Рафаэло Джованьоли (1874), «Пока мы лиц не обрели» Клайва Стэйплза Льюиса (1956) и др. Буллинг здесь представлен в форме издевательств, пыток, принуждений. Особенно хочется отметить в этом списке «Прислугу» Кэтрин Стокетт (2009). Современное общество избавилось от рабства, однако афроамериканцы по-прежнему страдают от притеснений со стороны белых американцев. В романе ярко представлена расовая дискриминация в различных проявлениях: от психологического буллинга до физических издевательств.

Несмотря на то, что насилие является непреходящей проблемой человечества, порой оно приносит положительный результат, делая человека более стойким к испытаниям, которые ждут его на жизненном пути. В качестве примера можно привести такие произведения, как «Оливер Твист» Чарльза Диккенса (1839) и «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте (1847). Но есть и обратная сторона медали — буллинг может привести к ужасным последствиям. «Зеленая миля» Стивена Кинга (1996), «Класс коррекции» Екатерины Мурашовой (2004), «Мальчик в полосатой пижаме» Бойна Джона (2006) в полной мере доказывают, насколько далеко может зайти жестокость людей, и почему о проблеме насилия необходимо говорить, раскрывая все его стороны.

Объектом нашего исследования стали два всемирно известных романа — «Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго (1831) и «Повелитель мух» Уильяма Голдинга (1954). В романе «Повелитель мух» речь идет о группе мальчиков, попавших на остров в результате авиакатастрофы. Буллинг в сложившейся ситуации практически неизбежен. Более взрослые ребята устанавливают свой авторитет среди младших и проявляют лидерские качества. Главной целью насмешек в данном произведении становится мальчик, которого прозвали Хрюшей, так как он был полненький и носил очки, а также проявлял неплохие умственные способности, отличавшие его от других, чем вызывал раздражение у остальных детей, в частности у лидеров. Ситуация типична: несмотря на то, что буллинг происходит на острове, он копирует школьное поведение детей (хулиган издевается над слабым, тихим отличником).

Проявление травли мы видим уже на первых страницах произведения. Это встреча Ральфа и Хрюши, когда второй говорит о том, что в школе его дразнили именно Хрюшей:

«— Хрюша — во как они меня обозвали.

Ральф зашелся от хохота. Даже вскочил. — Хрюша! Хрюша!» [1, с. 4].

С этого момента Хрюша становится частым объектом издевательств со стороны не только Ральфа, но и Джека, а остальные ребята просто хихикают над ним, не воспринимая всерьез:

«— Ты чересчур много болтаешь, — сказал Джек Меридью. — Заткнись, Жирный. Раздались смешки.

— Все он не Жирный, — крикнул Ральф, — его истинное имя — Хрюша!

— Хрюша! — Хрюша!

— Ой, Хрюша! Тут раздался настоящий взрыв хохота, хохотали все, даже самые маленькие» [1, с. 10].

Однажды ребятам необходимо было развести огонь, и им для этого потребовались очки Хрюши, но и здесь они не упускают возможности посмеяться над ним:

«Ральф шагнул к ним, и Джек съездил Хрюшу по голове. Очки упали, звякнули об камни.

Хрюша заорал в ужасе: — Мои очки!

— Я не могу без очков! Ты дождешься!

Джек изобразил и позу, и вой: — Без очо-о-к, дождешься!» [1, с. 41].

В данной сцене впервые проявляется физическое насилие, и отныне оно и дальше будет присутствовать в поведении ребят по отношению к Хрюше:

«Такое от Хрюши да еще под всхлипы кое-кого из охотников вывело Джека из себя. В синих глазах метнулась ярость. Он шагнул, с облегчением размахнулся и ткнул Хрюшу в живот кулаком.

Голос у него искажился от унижения: — А этого не хочешь? Что — съел? Жирный!» [1, с. 45].

В начале произведения травля в отношении Хрюши была связана с его физическими особенностями, в частности его весом и проблемами со зрением. Дальше, несмотря на издевки, он старается принимать участие в делах группы, он не раз предлагает свои идеи и высказывает оригинальные мысли, но и здесь его ждет неодобрение со стороны взрослых ребят. Они не учитывают его мнения, так как он уже стал объектом насмешек, и его было невозможно воспринимать всерьез:

«— А я что говорил! Я же говорил насчет порядка, я говорил, а мне — «заткнись»! Голос взвился, надсаженный благородным негодованием. На него уже шикали кругом» [1, с. 51].

Его всегда смущают и обижают, но Хрюша не сдаётся, он продолжает упорно говорить, невзирая на реакцию окружения. Целью изгоя всегда была мысль донести до ребят идеи, которые помогли бы им выжить на острове самим, без помощи взрослых:

«Поняв, что жутко и ему, он вдруг вышел из себя:

— Да заткнись ты!

— У меня рог, — сказал Хрюша обиженно. — Я имею право говорить» [1, с. 64].

Буллинг был неизбежен по той причине, что персонажи романа старшего возраста — лидеры группы в процессе выживания, неизбежно сталкивались с конкурентной борьбой за власть над остальными. Это прослеживается в отношениях Ральфа и Джека. Эти двое считались более-менее равными друг другу и поэтому не терпели участия Хрюши в голосовании. Возможно, агрессия в сторону Хрюши не была бы столь яростной, не будь он пухлым, плохо видящим и назойливым ребенком, однако именно эти факторы делают его объектом насмешек.

Роман Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери» представляет сюжет более жесткого проявления буллинга по сравнению с предыдущим романом. В произведении насилие направлено на парня по имени Квазимодо, так как его внешний облик вызывает у людей отвращение:

«Почти все они имели на него зуб: одни — за его злобные выходки, другие — за его уродство. Последние бесновались пуще первых.

— Антихристова харя! — кричала одна.

— Чертов наездник на помеле! — кричала другая.

— Ну и рожа! Его наверное выбрали бы папой шутов, если бы сегодняшний день превратился во вчерашний! — рычала третья.

— Это что! — сокрушалась старуха. — Такую рожу он корчит у позорного столба, а вот если бы взглянуть, какая у него будет на виселице!

— Когда же большой колокол хватит тебя по башке и вгонит на сто футов в землю, проклятый звонарь?

— И этакий дьявол звонит к вечерне!

— Ах ты, глухарь! Горбун кривоглазый! Чудовище!

— Эта образина заставит выкинуть младенца лучше, чем все средства и снадобья» [2, с. 217].

Квазимодо сталкивается не только с публичными оскорблениями, но и телесными наказаниями, которые в те годы были крайне жестки.

«Тонкие ремни, словно клубок ужей, с пронзительным свистом рассекли воздух и яростно обрушились на спину несчастного» [2, с. 215].

Черствость людей по отношению к Квазимодо поражает читателя отсутствием даже намека на жалость и сострадание, в том числе и со стороны служителей закона.

«Появление Квазимодо у позорного столба было встречено всеобщим ликованием. Жестокая пытка, которой он подвергся, и его жалкое состояние после пытки не только не смягчили толпу, но, наоборот, усилили ее ненависть, вооружив ее жалом насмешки» [2, с. 218].

Окружающие горбуна люди участвуют в представлении, в результате которого наказывают Квазимодо за его проступок мучениями, несоизмеримыми с тем, что он совершил:

«— Господа! Дамы! Пожалуйте сюда! Сию минуту начнут стегать Квазимодо, звонаря моего брата, архидьякона Жозасского. Чудный образец восточной архитектуры: спина — как купол, ноги — как витые колонны! Толпа разразилась хохотом; особенно весело смеялись дети и молодые девушки» [2, с. 220].

Заключение. Оба романа ярко рисуют проявление буллинга в разные исторические эпохи, в разных обстоятельствах, среди людей разного возраста. Но историческая непохожесть романов, разница их сюжетов и замысла дает нам возможность увидеть и понять, что буллинг переходит из одного периода времени в другой, немного трансформируясь, но оставаясь негативным и позорным явлением. Травля была всегда, во все времена, начиная со времен святой инквизиции, времени Первой и Второй мировых войн, проявлений террора и заканчивая извечными школьными издевками среди детей, со стороны учителей и родителей. Насилие, так или иначе, присутствует практически в каждом произведении, но в разной степени проявления. Длительное существование буллинга как акта агрессии актуализирует необходимость проследить это явление в разные времена на примере художественных произведений и сравнить изменения, взгляды и отношение общества к этому явлению.

Художественная литература демонстрирует феномен буллинга, создает образы, в которых некоторые люди могут увидеть себя или других людей далеко не в радужном виде, осознать серьезность такой проблемы, как агрессивное отношение сильного по отношению к слабому.

Список цитируемых источников

1. *Голдинг, У.* Повелитель мух [Электронный ресурс] / У. Голдинг. — Режим доступа: <https://avidreaders.ru/book/povelitelmuh.html>. — Дата доступа: 15.04.2020.

2. *Гюго, В.* Собор Парижской Богоматери. Мария Тюдор. Анджело, тиран Падуанский / В. Гюго; пер. с фр. Н. Коган, М. Замаховской и М. Лозинского. — Алма-Ата: Казахстан, 1983. — 671 с.